

гидротермальными процессами. У Якова Николаевича появилась идея о докембрийских гидротермальных месторождениях урана, и он на свой страх и риск начал проверять на радиоактивность все имеющиеся образцы пород на обычном учебном электроскопе. Вначале изучались случайные образцы маркированного керна во дворе геолтреста, а затем, после возвращения из эвакуации геологических фондовых материалов, поиски стали более систематическими в кернахранилищах и в шахтах. Много было перепробовано образцов, прежде чем попалась порода со щелочным амфиболом, которая впервые раздвинула лепестки электроскопа, поскольку была радиоактивной и содержала уран. Всего было отобрано 30–35 таких образцов из скважин и шахты «Капитальная» рудников «Первомайский» и «Желтая Река» с глубин 100–200 м. Шахты были еще затоплены, и спуститься к ним Яков Николаевич смог лишь через несколько месяцев. Собранные образцы отправили в Москву, где было установлено, что впервые в СССР появилась промышленная урановая руда. Так было открыто Первомайское урановое месторождение, а затем, в конце 1946 г. после откачки воды из шахты «Капитальная», и крупнейшее Желтореченское. Это было первое крупное месторождение урана в СССР. О нем ежедневно сообщал «Голос Америки», говорили женщины на рынках, а Яков Николаевич и его соратники были под зорким наблюдением КГБ и 25 лет молчали об этом. В 1951 году Яков Николаевич за открытие, разведку и освоение Желтореченского уранового месторождения получил Сталинскую премию первой степени вместе с Н. С. Королевым и В. И. Кузьменко. В изучении Желтореченского месторождения активное участие принимали С. А. Скуридин и Г. И. Каляев. На базе этого месторождения построен комбинат и целый город – Желтые Воды, но, к сожалению, среди его жителей мало кому известно, кто является первооткрывателем этого уникального месторождения. Интересны воспоминания Якова Николаевича о встрече с Л. П. Берия, который курировал атомную программу СССР. В 1950 году Якова Николаевича вызвали в Москву к министру геологии П. Я. Антропову. Оказалось, что нужно идти к Л. П. Берии для информации о состоянии минерально-сырьевой базы урана. Московские власти тогда работали по ночам из-за бессонницы Сталина. Вечером перед приемом министр сильно нервничал и все время ходил по кабинету: «Тебе хорошо», – говорил он, – «Что с геолога взять, а я за все отвечаю и не знаю, куда пойду после этой встречи – назад в Министерство или в лагерь!» Отец вспоминал: «Уже после полуночи нас вызвали в Кремль, долго шли коридорами, где несколько раз проверяли документы, затем вошли в кабинет Л. П. Берии. В большом зале он сидел вдаль за столом и что-то писал. Мы сели к столу. А слева вдоль стены кабинета за длинным столом сидели молча около двух десятков генералов НКВД. Л. П. Берия еще долго что-то писал, не поднимая головы. Затем расспросил нас о состоянии дел. После министра я рассказал о разведке и эксплуатации Желтореченского месторождения. Л. П. Берия поинтересовался, как мне работает, и когда узнал, что я живу в Кривом Роге и каждый день езжу в Желтые Воды и обратно (а это около 70 км в одну сторону), спросил, какая там дорога. Я ответил, что до рудника Ленина неплохая, а далее грунтовая «мошенка». Он сказал, что это не порядок и нужно сделать хорошую дорогу между Кривым Рогом и Желтыми Водами. И действительно, скоро была построена неплохая бетонка между Желтыми Водами и рудником им. Ленина». На Якова Николаевича эта встреча произвела большое впечатление. В 1953 г. по приглашению Президиума АН УССР мы переехали в г. Киев, где Яков Николаевич возглавил отдел, а потом и сектор в